Все стремления сконцентрироваться на исцелении пошли прахом, когда взгляд Твайлайт коснулся лба Армора. Нет, вид того, что осталось от рога, не был ужасен – из среза не хлестала кровь и не выглядывала плоть, да и вряд ли дело было в отвратности, ведь созерцание вызывало вовсе не страх. Если бы надежда на скорое окончание этого кошмара наяву её не оставила, страх имел бы место, но в то, что всё будет хорошо, больше не верила даже эта оптимистичная кобылка.

Хорошо, что гложущий нутро гнев овладел ей не сразу, благодаря чему порыв поскорее унести из того огненного ада Шайнинга, уже не способного сопротивляться насильственному телепорту, пересилил желание изничтожить того, чьё имя она никогда не забудет.

В лазарете Зала Гармонии, где пони приходили в себя после визита грифонов, принцесса, не слыша ничего кроме своих мыслей, склонилась над телом потерявшего сознание брата. Поток магии направился к раздробленному плечу, сращивая кости и латая порванные ткани. Справившись с этим, Твайлайт принялась за менее опасные повреждения, начав с головы… начав и тут же закончив. В срезе рога она увидела не просто серьёзное ранение, но разрушенную жизнь. Лишить единорога связи с магическими потоками – всё равно, что навеки разлучить пегаса с небом.

«Неужели это всё из-за меня? – сев на пол, Твайлайт обхватила свою голову копытами. От одной мысли, что всему виной стали её действия, у кобылки перехватило дыхание. Безумные, широко раскрытые глаза смотрели, как вокруг Армора закрутился медперсонал, продолжая делать то, что ей вдруг оказалось не под силу. – Неужели это я обрекла своего брата на жизнь калеки?!»

Принцесса не замечала, что её губы, как заговорённые, снова и снова произносят чьё-то имя. И хоть она не сводила глаз с брата, это имя принадлежало вовсе не ему.

– Ганнар, Ганнар, Ганнар… – продолжала шептать Твайлайт. И это нехитрое заклинание всего из одного слова помогло ей определить, чего же она хочет на самом деле.

«Ганнар – так я должна назвать свои беды, своё несчастье, свою боль… »

В сознание аликорна воскресал этот кровавый, не ведающий жалости взгляд.

«Ганнар…»

Эти лапы, отнявшие у её брата светлое будущее вопреки всем мольбам.

«Ганнар!»

Этот надсмехавшийся над ней голос, втоптавший в грязь наивную веру любящей сестры.

«Он во всём виноват! Этот грифон! Во всём!»

Но не только совершённые преступления приписывала Твайлайт на счёт имперского полководца. Она винила его в мести, что ныне движет ей, уподобляя ненавистному врагу, и в шальных мыслях о том, что смерть была бы для Армора лучшей участью.

В своих будущих поступках, в ещё не совершённых деяниях принцесса тоже винила эти бесчувственные глаза, ибо винить в этом себя было бы невыносимо.

Оставив брата под опёкой медпони, Твайлайт вернулась в тронный зал. Спеллвивер и Фебра, как могли, продолжали поддерживать войска без аликорна, но давалось им это с большим трудом. Ситуация была критической: грифонам удалось закрепиться на дворцовой площади и взятие самого дворца теперь было делом каких-то тридцати минут. Появление принцессы вызвало у измученных магов проблеск надежды.

– Прошу всех прервать заклинания и встать вокруг меня, – бесцветным голосом распорядилась Твайлайт.

Произошедшее с Армором вызвало у многих опасение за состояние правительницы и её дальнейшее участие в битве, поэтому увидеть Элемент Магии в относительно стабильном состоянии было весьма отрадно. Боясь напомнить о случившемся и ненароком пошатнуть хрупкое самообладание принцессы, никто не решался показывать ей сочувственный, полный жалости взгляд.

Без каких либо пререканий все единороги окружили Твайлайт кольцом в три ряда, готовясь к заклинанию «колодца» – других соображений о том, что могла предпринять правительница, ни у кого не было. В подтверждение своим догадкам, маги почувствовали, как создаваемые принцессой каналы

устанавливают со всеми прочный контакт, и максимально ей открылись. Не встретив сопротивления, аликорн связала с собой каждого единорога в зале, но отчего-то медлила с «зачёрпыванием» энергии. Пытаясь найти этому причину, маги подняли глаза на лавандовую кобылку, поглощённую прочтение какого-то заклинания и несколько успокоились, не увидев в этом ничего необычного. Это вовсе не значило, что творимое заклинание было им известно. Вовсе нет. Просто все, кто знал Твайлайт хоть немного, а с кантерлотской знатью было именно так, имели ввиду, что эта полная сюрпризов пони имела свойство чуть ли не на ходу принимать важные решение, касающиеся вопросов магии. Всем оставалось довериться её инициативе, не без любопытства к идее, посетившей одарённую волшебницу на этот раз. Спеллвивера и Фебру такой расклад тревожил больше остальных: в нынешнем положении даже приятные сюрпризы нежелательны, а неизвестное таким опытным магам заклинание как раз подходит под эту статью. Да и сам «колодец» отличался от своей более распространенной версии «круга силы» именно тем, что сейчас единороги практически не распоряжались своей энергией, оставаясь для принцессы лишь источником, из которого она себя подпитывала. Их попытки отследить изменения не увенчались успехом, поэтому они были вынуждены следовать за Твайлайт «с закрытыми глазами».

Протяжный стон и последующий грохот падающего на мраморный пол тела всколыхнул стоящих в кольце пони. Сражённый магическим истощением единорог приковал к себе недоумённые взоры. Он был первым, кого постигла такая участь, но далеко не последним. Ещё дюжина повалилась без сил, прежде чем оставшиеся, глядя на засветившиеся ярким светом глаза Твайлайт, смогли понять, что происходит. Единороги захотели разорвать контакт, перекрыть доступ к своей энергии, но ничего не выходило – на связь был наложен какой-то замок. Больше их согласие ничего не значило, и правительница по своему желанию опустошала одного за другим. Охваченные паникой, многие пытались бежать, но аликорн, в силу своих превосходящих возможностей, блокировала телепорты, превращая их в метровые скачки. Вряд ли кто-нибудь догадался, что это вызвано благими побуждениями: как бы далеко они не перенеслись, связь всё равно останется,

посему полное опустошение неминуемо. Твайлайт посчитала, что уж лучше это случится в зале, чем на глазах грифонов. И этим, пожалуй, её гуманность ограничилась. Недрогнувшим копытом, без колебаний она до последней капли вбирала в себя силы окружавших ее магов дворцовой гильдии и аристократов.

– Ваше Высочество… – колени Фебры Лэнд начали сгибаться, когда настал её черёд. Вскоре она, как и все, лежала на полу, способная разве что держать глаза открытыми.

– Принцесса, остановитесь… – еле шевеля губами, произнёс Спеллвивер. Благодаря большому запасу энергии, он держался дольше остальных, но отсрочил полное опустошение лишь на несколько секунд.

Магия, которая может причинять вред всему живому напрямую, в Эквестрии справедливо считалась запретной. Её последователи были гонимы, а книги с такими заклинаниями хранились за семью печатями. Доступ к ним имели разве что венценосные особы. Твайлайт входила в их число, однако доступ еще не подразумевал ознакомление. Да и сама пони, читавшая их тайком из самых светлых побуждений, никогда не думала, что однажды прибегнет к этим знаниям по прямому назначению. Она была одержима идеей обратить злой умысел тёмной магии вспять, сделать так, чтобы её использование приносило пони пользу. Какой же наивной она была когда-то…

И что бы тогдашняя Твайлайт подумала, увидев лавандового аликорна в окружёнии истощённых ею пони; кобылку, посчитавшую свои намерения выше чужого мнения и права выбора?

Она бы не поверила и назвала это ложью.

Но нынешняя Твайлайт своих действий не стыдилась, имея весомое оправдание.

Зачерпнув последние капли, она поняла, что переоценила способности своего не привыкшего к таким нагрузкам тела, и не удержала порцию магической энергии. Та ослепительной вспышкой вырвалась из её рога и разошлась по залу мощным импульсом, выбившим окна и витражи, отбросившим в разные стороны неподвижные тела единорогов и оставившим

на цельном мраморе паутину трещин с тяжело дышащей принцессой в центре.

Твайлайт удалось усвоить поглощённую энергию трёх сотен единорогов, но этого ей было недостаточно. Ступая по осколкам некогда зеркальной поверхности пола, аликорн направилась к распахнутым наружу дверям.

***

Недолго длилось затишье между боями перед дворцом. Не успело разлетевшееся стекло улечься на землю, как две стороны вновь сошлись в смертельном противостоянии, которое грозило очень скоро закончиться.

«В конце концов, это всего лишь магическая вспышка, – думалось большинству несведущих. – Вероятно, единороги прогадали с заклинанием или ещё чего…»

Прекратить сражение должно что-то посерьёзнее разбитых окон.

Десантировавшиеся грифоны продолжали теснить эквестрийцев к дворцу. Те при отступлении забирали с собой спинелли и другое артиллерийское снаряжение, чтобы перестроить батарею за более безопасной баррикадой. Из-за угрозы дружественного огня очень редкие залпы производились отдельными орудиями исключительно по наземным целям. Измотанные и лишённые огневой поддержки пегасы больше не могли справляться со своими задачами и поступление вражеского десанта на площадь не прекращалось. Но враг бил не только в лоб: фланги дворцовой платформы начали подвергаться массивным атакам воздушных имперских сил. На их защиту стянулись несколько пегасьих батальонов, из-за чего оборона в центре ослабла. Теперь передышка была непозволительной роскошью, равно как и статус резервного отряда. Передовые подразделения на лестницах были скованы неутихающим штурмом, но тыловые передислоцировались на защиту дворца. Все понимали, что если не отбросить грифонов сейчас, подкреплению будет некому помогать.

Немудрено, что в такой обстановке мало кто заметил принцессу, появившуюся на пороге главных ворот. Едва касаясь земли, она словно призрак спустилась по ступеням вниз и обернулась, ища подходящее место, которым оказался единственный смотрящий на площадь просторный балкон.

Её ставшие ослепительными сферами глаза созерцали панораму, объятую пожаром войны, а в голове рождались новые идеи – безумные и безрассудные, но оправдывающиеся благими целями.

Сражавшиеся почувствовали не пойми откуда взявшийся ветер, что подул с запада. Поначалу это были лёгкие порывы, но вскоре он перерос в шквал. Несложно догадаться, как это сказалось на воздушных боях. Заручившись такой поддержкой, пегасы смогли дать превосходящему противнику резкий отпор: их стремительные атаки опрокидывали борющихся с встречным ветром грифонов и постепенно освобождали от них воздушное пространство над площадью. На земле, где ветра практически не наблюдалось, контратаки эквестрийцев также дали положительный результат, но имперцы закрепились слишком надёжно. Подход новых сил даже не думал прекращаться, лишь изменив схему – теперь десант производился не сверху вниз, а снизу вверх, прямо из-за платформы, куда стихийные нападки никогда бы не дотянулись.

Далеко не каждому единорогу под силу вызвать бурю на такой обширной площади, но вот Элемент Магии с такой задачей справиться бы смог. Прибегни Твайлайт к этому заклинанию до прорыва, закрепление грифонов можно было бы предотвратить, но теперь для этого потребуется нечто большее – то, что она не смогла бы провернуть без опустошения тех единорогов.

Для неё они в первую очередь источники, а остальное – уже неважно.

Эквестрия не просто так звалась магическим миром. Магия буквально пронизывала её насквозь: в воздухе, в земле, в воде – магия была повсюду. В том числе и во всех населяющих её существах. Дотронуться до поверхности магических волн удается каждому, но зачерпнуть из самых глубин мог только обладатель рога. И чем больше источников имел в своём распоряжении маг, тем могущественнее он был. Однако извлекать энергию из воздуха – дело неблагодарное. Проще всего она добывалась из живых существ и того, что с ними связано. Самым ярким примером можно назвать чувства и эмоции. Небезызвестный Чёрный Король подпитывал себя чужими страхами, болью и страданиями, Миамора Каденция – чувством светлой любви, а магия Элементов Гармонии зиждилась на узах дружбы. Такой подход был сродни искусству, и не в каждом маг находил отклик, не говоря уже про

ограниченную сферу применения. Более грубая магия, как правило, была и более универсальной. Зачем ходить вокруг да около, пытаясь нажиться на тех или иных эмоциях, когда можно просто взять и получить конечный результат в готовом виде?

Повторяя события тронного зала, Твайлайт плела новую сеть из магических каналов. Вот только на этот раз паутина соединяла всех находящихся в городе пони. Для окрепших с прошлой подпитки незримых нитей даже разрешение единорогов не требовалось – волшебница по-хозяйски привязывала их к себе, но с конечной фазой пока не спешила.

«Снижайтесь!» – голос Твайлайт зазвучал в голове каждого пегаса.

На подсознательном уровне они почувствовали, что это именно принцесса, а её объявление – не что иное, как приказ. Пегасы вырывались из схватки и летели к дворцовым шпилям, надеясь поскорее узнать причину, по которой они прервали такой выгодный для них бой. Но не слова стали ответом.

Не успели летуны снизиться, как к яркой композиции звуков присоединилось громкое, нарастающее потрескивание, исходящее откуда-то сверху. Тот, кто видел, куда устремлен взор Твайлайт, не был удивлён первому удару молнии.

Аликорн направила огромное количество энергии в грозовой заслон, выводя его из спящего состояния. Результат был столь же эффективен, как и предсказуем. То, что до этого служило лишь прикрытием для неудавшегося обстрела, сейчас разило целые отряды не успевших снизиться имперцев. Знала ли Твайлайт, что не все пегасы успели уйти из зоны поражения атаки молний? Не могла не знать, но старалась не думать, сколько ещё её верноподданных попадёт под раздачу.

Площадь и воздушное пространство в пределах грозового заслона быстро освободились от грифонов, но никто не списывал со счетов иные пути. Лестницы, на которых имперцы продвинули передовую линию почти до самого верха, были одним из трёх ключей к взятию дворца. Без них атакам подвергалась бы только дворцовая платформа, и о противостоянии ниже этого уровня можно было бы забыть. До сего момента никто даже не задумывался о цене столь острого вопроса. Принцесса же намерилась платить крупной монетой.

С балкона выпорхнула белоснежная сова, теперь не уступавшая по размерам среднему пегасу. За ней тянулся фиолетовый шлейф, а каждый широкий взмах крыл отдавался звёздопадом быстрогаснущих искр. Её беззвучный полёт, принёсший в бал разрухи толику красоты, был поистине завораживающим и отозвался надеждой в сердцах отчаявшихся пони. Узнав это, и принцесса посмела бы надеяться, что её подданные найдут в себе силы понять и простить свою падшую правительницу.

Сова, по небезызвестным причинам, устремилась к передовой правой лестницы, где, как и на левой, молнии не мешали грифонам продолжать наземный штурм. Оказавшись на месте, смотрящая глазами птицы Твайлайт приказала пони отходить к дворцу и, дабы облегчить их задачу, отколола кусок отвесной стены, прикрывая отступавших созданным обвалом. Теперь у эквестрийцев было время набрать дистанцию и дальнейшие действия Твайлайт не заденут никого, кроме грифонов.

Истратив почти всю энергию на активизацию молний, волшебница восполняла свои силы, постепенно опустошая всех жителей Кантерлота. Какие потребности, такие и затраты. Ей предстояло обрубить один из главных подходов наверх, а это задача не из лёгких.

Уничтожить лестницу целиком было непостижимым, но обрушить вниз верхнюю часть…

Вся платформа буквально задрожала, в некоторых местах пошли трещины и вскоре целые лестничные пролёты уходили у грифонов прямо из-под ног. Падающие сверху части стены погребали не успевших взлететь, а остальные бросились врассыпную, подгоняемые треском молний и громом упавших с огромной высоты каменных глыб.

Левую лестницу Твайлайт застала в запустении. Не желая повторять судьбу застигнутых врасплох собратьев, грифоны оставили свои позиции, да и пони, прихватив с собой орудия, устало тащились назад. Когда последний из них добрался наверх, аликорн закончила начатое, и путь для наземных войск Грифонии был перекрыт раз и навсегда.

Теперь она, наконец, смогла устремить свой горящий взор на кишащий грифонами восток. Отступив в безопасную часть города, они набирались сил и переформировывали отряды для грядущей атаки, но Твайлайт не была

настроена ждать. Она зашла так далеко не для того, чтобы останавливаться, а последствия…

Аликорн слала их к Дискорду, веря, что всё уже давно предрешено и ей остаётся только жить с этими потерями. Завтра не сможет стать хуже, чем сегодня, как бы она не старалась и каких глупостей бы не понаделала.

– Твайлайт, – сова зависла в воздухе, вертя головой в поисках обладателя низкого, размеренного голоса. Нет, он исходил не отсюда. Принцесса закрыла птичьи глаза и открыла свои. Обернувшись, она увидела застывшего в дверях на балкон царя.

Его одежды были перепачканы зёмлёй, а кольчуга, как и всё тело, почернела от едкого порохового дыма, запах которого чувствовался за версту. Ссадины и царапины покрывали сжатые в кулаки кисти. Колкий взгляд казался неестественно ярким на фоне перепачканной кожи.

Твайлайт часто видела его лицо, когда он задумывался: чёрные брови складывались в грозную форму, отчего казалось, что Иван чем-то недоволен и затаил обиду в глубине. У неё было время, чтобы научиться различать истинную злость от ложной. И сейчас он был зол по-настоящему. Под таким взглядом всякому пони, в том числе и самой принцессе, хотелось сжаться, исчезнуть, провалиться сквозь землю, но не в эту ночь. Не без усилий, её источающие свет глаза приняли вызов. Однако она никак не могла отделаться от чувства вины, когда человек смотрел на неё вот так.

– Чего вы хотите? – подняла голову Твайлайт.

Тяжёлым, уставшим шагом царь направился к краю балкона.

– А ты, стало быть, не уразумеешь… – упёршись о перила, тихо изрёк Грозный, подсказывая взглядом, где стоит искать ответ.

Готовясь обрушиться на стан грифонов, аликорн порядком истощила пони, но насколько – узнала только, когда взглянула на площадь. Среди лежащих вповалку обессиленных тел сидели и неосознанно бродили те, чей черёд настанет, когда принцессе в очередной раз заблагорассудиться швырнуть в грифонов дом.

Благо это не смертельно: хоть магическая энергия и пронизывает существ, их жизнь полностью от неё не зависит, да и никто не способен отдать больше,

чем имеет. Правда, понадобятся как минимум сутки, чтобы обездвиженные пони пришли в норму.

Но если маг имел границы, то магия их не имела. Нет того, что было бы ей не под силу. Даже всесильные джины не имели власти над чужими чувствами, а в Эквестрии это считалось мелким фокусом, сродни обману. При желании единорог мог тянуть энергию и из жизненных сил, но для Твайлайт даже в нынешнем состоянии это было слишком…

Хотя кто может знать, как далеко способны завести сильные чувства?

– Не стоит волноваться. С ними всё в порядке, – заявила волшебница, не отрываясь от площади.

– С ними-то может и да, – прозвучало с упрёком. Человек не смотрел на собеседницу из-за слишком яркого света, оттого казалось, что он беседует с самим собой.

– Да, со мной не всё в порядке! – вспыхнула Твайлайт, как сухой лес от искры. – Моего брата сделали калекой, Эквестрия объята войной, а те, кто могли бы всё исправить, исчезли по вашей вине! Но вам-то что с того?! Назовите меня плохим правителем, если будет угодно! Куда уж мне до вас?! Вы… вы смотрите на всё, что твориться такими спокойными глазами… – кобылка не удержала несколько слёз, оставивших на щеках светящиеся дорожки. – Я… я не знаю, каким тартаром был ваш мир, но здесь не так! Я не была готова к такому! Не была… – Твайлайт остановилась, чтобы перевести дух и продолжила более спокойным голосом. – Хуже, чем сейчас, уже точно не будет, так что не смейте указывать мне, что делать.

– И не помышлял, – Прежде чем ответить, царь терпеливо выслушал всю речь принцессы, даже не думая её перебивать. – Ежели Бог наделил тебя разумом, значит, и правом выбора не обделил. Я не ведаю его промысел, но чувствую, что не должен влиять на вершащиеся в чуждом мире судьбы. Это твоё королевство, твои верноподданные, твоя жизнь – тебе и решать, – Грозный ненадолго замолк, обозревая разбушевавшееся небо. – Всё же, позволь дать совет. Молвив о моём мире, ты была права, хоть и не во всём. Дивлюсь я отношению здешнего народа к тебе. Видел покорность, видел преданность, видел любовь. Но самого главного так и не узрел, сколько бы очи не тёр. Страх. И малая, и великая власть зиждится на нём. Не дано мне

было иную ведать, потому как человеческая натура такова, что немыслимо иначе. Не хватает светлых добродетелей, чтобы бразды удержать. А ты… – царь иронично улыбнулся. – Ты супротив беды, пришедшей в твой дом, но сеешь тоже, что и недруги. Поступками своими верно наши миры сближаешь, смея глаголить, что этого страшишься. Лгать не стану – правитель из тебя не ахти, раз так споро создаёшь себе ад. Я скажу, что бывает, когда трон укрепляется страхом. Верноподданные станут бояться твоей немилости. Каждый божий день будет превращаться в хоровод правды и лжи, а сможешь ли ты отделить одно от другого? Где друг, а где враг? Где истина, а где клевета? Готова ли ты на такое, принцесса?

Речь царя окатила раскалённую голову кобылки ушатом студеной воды, вернув ей рассудок и возможность здраво оценивать себя со стороны. Она не находила слов, перебирая в голове клубок спутанных мыслей и доводов. Принять очевидный ответ означало осудить все свои действия, а отказ вызывал бы явное противоречие со сказанным выше.

– Мне нужна помощь… – сдалась принцесса, понурив голову. – Станьте моим наставником. Одной мне с этим бременем не справиться...

«Ох, дитя, ведаешь ли ты, о чём просишь?» – мрачно подумал Грозный.

– Не простит мне Бог, если взращу гнилой росток…

– Таков мой выбор, – не отступала аликорн, используя чужие доводы.

Царь молчал, обдумывая ответ. Когда-то и с его уст слетала подобная просьба. Не отказали ему тогда, не оставили. На путь верный наставили и пороки смирять помогали. И чем же всё закончилось? Горько вспоминать. Но тогда дело было в плохом ученике, а не в наставнике…

«Да будет так. Ещё один крест взвалю на свою спину…», – глубоко вздохнув, Иван утвердительно кивнул.

– Ты можешь это исправить? – он указал на площадь.

– Ну, один из вариантов – лишить меня сознания, – перебирая в памяти страницы фолиантов, предложила воспрянувшая духом Твайлайт. – Как только я перестану удерживать собранную энергию, а именно это и произойдёт при потере сознания, она равномерно распределиться по всем каналам. Но... – волшебница поймала взгляд оторопевшего от такого предложения царя, – той энергии будет мало, потому как я порядком её

истратила. Вот если я отдам и свою, то должно хватить на возвращение в строй всех пони.

Принцесса мешкала, не желая что-либо упускать перед тем, как её тело обмякнет мешком.

– Я передаю вам командование войсками в моё отсутствие, – Твайлайт было немного стыдно взваливать на плечи человека одну ответственность за другой, но что поделать. Он это понимал, оттого и принял назначение, как должное. – До прибытия подкрепления осталось около часа. Если удастся продержаться – бой за нами.

На этом было всё. С балкона волшебница перенеслась в свою опочивальню и, встав на кровать, начала отдавать энергию. Твайлайт не хотелось обременять своего наставника ещё одной проблемой в виде её беззащитного тела и решила сама передавать энергию по установленным каналам обратно к эквестрийцам. Пот градом катился по её лбу, а в глазах становилось темнее с каждой секундой. Но чувство долга позволяло ей держаться, отдавая своим подданным всю себя без остатка. И только выбрав всё, что могла, она с чистой совестью упала в объятья своего ложа.

Царь видел, как эквестрийское воинство приходит в себя, недоумённо потирая копытом лбы. Пони не могли определиться, как воспринимать действия принцессы. Не исключено, что если не прояснить ситуацию, недовольные раздуют из этого целую трагедию в самый неподходящий момент.

– Благодаря вашей правительнице, ворога удалось отбросить, – возвестил Иван тех, кто был на площади. – Так что готовьтесь к его возвращению, да как следует! Бейтесь, пока есть за что биться!

Пока он спускался вниз, дабы продолжить руководить с места, пони активно передвигали орудия к крайним баррикадам и восстанавливали укрепления. Пришедшие с лестниц отряды оказались весомым подспорьем, позволившим залатать бреши в обороне.

Грозовой заслон возвращался в прежнее состояние не сразу, а постепенно, давая обороняющимся ещё немного времени на подготовку. Когда молнии стихли, армия грифонов, пусть и не без опаски, устремилась на непреступный дворец. Лишившись наземных подступов, тяжёло

экипированные воители сменились на лёгких, мотая на ус, что ныне путь к взятию города лежит через небо.

Много времени и сил понадобилось имперцам, чтобы закрепиться на площади. И хоть их потери не превышали потерь эквестрийцев, а войско ещё не растеряло свою мощь, добиться тех результатов за какой-то час было очень сложной задачей. Особенно после разрушения лестниц и объединения на дворцовой платформе всех отрядов пони, неплохо восполнивших прежнюю плотность боеспособных подразделений.

Как волны прибоя бьются о скалы, так и тщетные атаки грифонов опрокидывались одна за другой. Чувствуя скорую подмогу, пони не отступали ни на шаг, какими бы яростным не был натиск имперцев. В таких боях верх одерживает тот, в ком больше стремления к победе. И судя по результатам, до решимости эквестрийцев грифоны не дотягивали. А может, вовсе не в этом дело? За спинами пони стоял полководец, прошедший не одно сражение, а что же на противоположной стороне? Ганнара, знаменитого своим острым умом и огромным молотом, нигде не было видно, а учитывая его пристрастие к битве, напрашивался нехитрый вывод.

Исход сражения стал окончательно ясен, когда в бой ворвались прорвавшие блокаду пегасы. Вначале небольшими группами, а затем неудержимой лавиной, прорывая грифоньи заслоны, пегасы Филидельфии сходу врезались во вражеские ряды. Вслед за ними с востока, разгоняя удушливый запах гари и смерти, потянуло свежим ветром. Ветром победы. Чувство безысходности и обреченности в сердцах защитников, постепенно уступало радости и воодушевлению. Напор пони крепчал с каждым прибывшим воином. Враг отчаянно пытался сдержать натиск, но разве найдется такая сила, которая бы сломила вездесущую волю к такой близкой победе?

С каждой минутой пони становилось всё больше, а шансы грифонов на своевременное взятие города уменьшались, пока полностью не рухнули. Призывающий к отступлению протяжный стон имперских рогов в этот раз вторил радостным крикам и ликованию защитников.

***

Из груды камней у основания платформы на свет выкарабкивался помятый, с трудом дышащий грифон. Его тёмный доспех больше не блестел, чёрная шерсть не лоснилась и потеряла насыщенность цвета, а перья оттопырились, выпадая одно за другим.

Нынешний вид главнокомандующего Ганнара хоть и прибывал в удручающем состоянии, но жалость не вызывал. В несгибаемом взгляде всё так же читалась жажда ворваться в бой, ведя за собой войска. Даже без оружия, которое он потерял при падении с самого верху и при том, что одно крыло вышло из строя, а всем лапам достались серьёзные ушибы. Но, сокрушённо узрев в небе стайки пегасов без единого грифона, он осознал, что это более не имело смысла.

Такие как Ганнар никогда не признают своего поражения и отступают лишь с мыслью, что обязательно вернутся, чтобы свести счёты. Он хромал по пустынным, разрушенным улицам, волоча за собой облачённое в доспех крыло, пока не пересёкся с отрядом грифонов, приметивших его издалека. Дальнейший пусть в обратную от дворца сторону проходил быстрее и надёжнее. Отступавшие имперцы тащили за собой всё, что сумели прихватить, в том числе и захваченные пушки. Обзавестись таким оружием было заманчивой затеей.

Всё войско Грифонии ручейками стекалось к кантерлотским окраинам, образуя там бушующее море из недовольных вояк. Несложно догадаться, как себя чувствовали пленные пони, которых согнали на одной из стоянок воздушных колесниц. Однако грифонам они были нужны не для вымещения злобы, но для обмена на своих сородичей, оказавшихся в таком же положении.

Где-то посреди ожидающих своей участи пони, лежала пегаска, чья шёрстка когда-то была нежно-персиковой. Находясь без сознания, она не испытывала боли, которая охватит её измученное тело по пробуждению. В битве кобылка ожидала смерти от вражеского клинка, но по иронии, была сражена шальной молнией и если бы насмерть... Услышав приказ отступать, воительница не подчинилась, воспользовавшись своим выбором. Теперь же она лишилась и его.

Бурый жеребец в промятых гвардейских доспехах неустанно крутился возле неё. Как и все, кто был поблизости, он мог только расправить перебитые крылья и подложить под голову пегаски сложенную в несколько раз накидку. Дела её были плохи и не исключено, что вскоре этой настойчивой в своих решениях пони таки удастся добиться желаемого. Но, как и говорилось ранее, право выбора оставило эту кобылку, всецело доверив превратностям судьбы. И одна из таких превратностей, имевшая голубые, как лёд, глаза, снова вмешалась в беспросветную с недавних пор жизнь Дейси. Ей было суждено покинуть общество пленных на лапах заклятых врагов, с каждым взмахом отдалявших её от дворцовых шпилей Кантерлота.

*читать далее*